

КНИЖНЫЕ ЦЕНТРЫ, РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ

Н. В. САВЕЛЬЕВА

«Бумага для царя Ивана Грозного» в Дрвলেখранилище Пушкинского Дома

О необходимости подробных полистных описаний рукописей территориальных собраний уже не раз говорилось.¹ Время полевой археографии фактически закончилось, и именно камеральной археографии — описанию и изучению накопленных материалов — сейчас должна отводиться основная роль. Наши представления о составе территориальных собраний различных археографических центров России основываются лишь на отчетах об экспедициях, на ряде обзорных статей и отдельных изданий, по существу являющихся краткими инвентарными описями собраний. Подробных научных атрибутированных описаний созданных археографами территориальных собраний очень мало. Вероятно, именно потому, что состояние описания территориальных собраний находится на таком уровне, и сложилось определенное мнение, что рукописи, собранные археографами, в основном поздние и в общепринятом культурном и литературном смысле малоинтересные. Опровергнуть это мнение могут только подробные, полистные, полные, атрибутированные описания рукописей и старопечатных книг территориальных собраний, которые позволят не только выявить новые списки памятников, не учтенные в предварительных описях и до сих пор не введенные в научный оборот, но и сделать новые неожиданные находки. Об одной из таких находок и пойдет речь.

Поиски исторических источников, свидетельствующих о попытке наладить в XVI в., в связи с началом книгопечатания, производство бумаги в России, велись еще учеными XIX в. И уже тогда Н. П. Лихачевым в научный оборот были введены два документа, к которым и в настоящее время обращаются исследователи этого вопроса. Во-первых, это свидетельство амстердамского купца Рафаэля Барберини от 1564/65 г.: «Затеяли они также ввести делание бумаги и даже делают, но все еще не могут ее употреблять, потому что не довели этого искусства до совершенства».² Во-вторых, в Московском архиве Министерства юстиции Н. П. Лихачевым был обнаружен среди документов Троице-Сергиевой лавры список с купчей 1576 г., в которой при описании границ приданной вотчины упоминается бумажная мельница на реке Уче, принадлежавшая Федору Савинову. Из текста купчей ясно, что в 1576 г. мельницы уже не сущест-

¹ Вопросу состояния описания фондов различных хранилищ, в том числе и территориальных собраний археографических центров России, посвящена специальная статья О. В. Творогова См Творогов О В Рукописные собрания России состояние изучения и описания // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 709—744

² Сказание иностранцев о России в XVI и XVII веках Путешествия в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году СПб, 1843

вовало.³ Кроме того, исследователи ссылаются также на факт из окончившейся скандалом миссии саксонца Ганса Шлитта, который в 1547 г. с ведома и согласия Ивана Грозного набирал в Германии различного рода специалистов-ремесленников, в числе которых был и бумажный мастер. Всего им было завербовано 123 человека, с которыми он собирался отправиться из Любека в Россию, однако в Любеке Шлитта задержали и посадили в тюрьму, из которой он, по одним данным, был освобожден, по другим — бежал и лишь в 1557 г. вернулся в Россию один, без спутников и без денег. Завербованные Гансом Шлиттом мастера разошлись, по некоторым данным, часть их попала все же в Россию, но был ли среди них бумажный мастер, неизвестно.⁴ Эти три исторических источника и фигурировали до 1971 г. в работах исследователей, с отличием только в отношении к ним — признания⁵ или непризнания⁶ их достоверности. Реально же сохранившихся образцов русской бумаги этого времени не было зафиксировано ни в печатных изданиях, ни в рукописях, ни среди архивных документов

В 1971 г. появилось сенсационное сообщение профессора Гарвардского университета Эдварда Кинана о найденной им в Датском Королевском архиве бумаге с текстовой филигранью Ивана Грозного. На этой бумаге написано послание датскому королю Фредерику II, фактически ставленная грамота, в которой Иван Грозный поставляет Магнуса, брата датского короля, правителем (голдовником) не принадлежащих России земель Ливонии. Письмо датировано 26 сентября 1570 г., подлинность этого послания не вызывает никакого сомнения. Письмо было опубликовано еще в 1897 г. Ю. Н. Щербачевым,⁷ не обратившим, однако, внимания на бумагу. Первое сообщение Эдварда Кинана о находке появилось в «Литературной газете» от 14 июля 1971 г., здесь же был помещен выполненный от руки рисунок с текстом филигрании и воспроизведен в сокращенном виде сам текст: «Царь Иван Васильевич всея Руси. Князь великий московский» Заметка сопровождалась комментарием Д. С. Лихачева под заглавием «Факт, который войдет в учебники».⁸ Аргументированное исследование Э. Кинана было опубликовано затем в «Oxford Slavonic Papers», здесь же помещена фотокопия документа, сделанная на свет.⁹ Полный текст филигрании читается следующим образом:

Царь Иван	Васильевич
всея	Руси
Лѣта 7074¹⁰	князь великий
свер	московский

³ Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-архивный очерк. СПб, 1891. С. 85—86.

⁴ Библиографию о миссии Ганса Шлитта см., например Хорошкевич А. Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 16—18.

⁵ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 333. Uchastkina Z. V. A history of Russian hand papermills and their watermarks. Nilversum, 1962. P. 11—12 (Monumenta chartae papugaseae historiam illustrantia. Vol. 9).

⁶ Клепиков С. А. Филигрании и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959. С. 13.

⁷ Русские акты Копенгагенского государственного архива / Подгот. Ю. Н. Щербачева. СПб., 1897. Стб. 93—98 (РИБ. Т. 16).

⁸ Письмо американского ученого Э. Кинана в редакцию «ЛГ». Д. С. Лихачев «Факт, который войдет в учебники». Комментарий // Литературная газета. 1971. 14 июля. С. 7.

⁹ Keenan Edward L. Paper for the Tsar. A Letter of Ivan IV of 1570 // Oxford Slavonic Papers. New series. Oxford, 1971. Vol. 4. P. 21—29.

¹⁰ Последняя цифра на листе видна не очень четко и, по мнению Э. Кинана, может быть прочитана как **Д** (4) или как **Ж** (9).

Слова «князь великий московский» заключены в киотец, увенчанный крестом.

По предположению Э. Кинана, бумага, на которой написано послание Ивана Грозного датскому королю Фредерику II, сделана в России. Ученый считает, что бумага могла быть произведена на той самой мельнице Федора Савинова, упомянутой в документе из Троице-Сергиевой лавры, предположительно мастером из Богемии, немцем по происхождению, Мартином Зауером, имя которого зафиксировано на бумаге в форме «Совер». Сразу после сообщения Э. Кинана его точка зрения о возможности русского происхождения бумаги была поддержана З. В. Участкиной,¹¹ А. А. Севастьяновой,¹² Т. Герарди,¹³ В. А. Гуляницким.¹⁴

В 1971 г. вышла в свет книга Э. Кинана «Апокриф о переписке Ивана Грозного с Курбским».¹⁵ Книга вызвала резко отрицательную оценку не только российских (советских), но и зарубежных ученых и наложила определенный негативный отпечаток на отношение и к другим работам Э. Кинана. Об этом, в частности, свидетельствует заключительная статья в книге Р. Г. Скрынникова «Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана». Характеризуя научный метод Кинана как яркий пример бесплодности «того направления американской буржуазной историографии, которое подчинило беспристрастное научное исследование предвзятым целям»,¹⁶ Р. Г. Скрынников выстраивает в один ряд с книгой о Грозном и Курбском и другие работы Э. Кинана, в том числе статью о найденной филигрань. При этом он ссылается на точку зрения такого авторитетного исследователя филиграней, как С. А. Клепиков, и излагает эту точку зрения по его не опубликованной еще статье.

Работа С. А. Клепикова «О допетровской бумаге и „Бумаге для царя (Письме Ивана IV)“ Э. Кинана» вышла годом позже.¹⁷ С. А. Клепиков отвергает возможность русского происхождения бумаги, найденной Э. Кинаном, и формулирует свою точку зрения, согласно которой: «1. Форма для бумаги была изготовлена иностранцем, но кто был ее автором, установить нельзя; 2. Место изготовления формы и отлива бумаги на основании имеющихся материалов установить нельзя. Во всяком случае это не Россия и не мельница Федора Савинова; 3. Думается, что это образец, отлитый каким-нибудь иностранцем на своей мельнице и представленный Ивану IV, возможно, тем же Гансом Шлиттом; 4. Представ-

¹¹ Участкина З. В. Развитие бумажного производства в России. М., 1972. С. 222. В своей работе З. В. Участкина опирается только на данные заметки в «Литературной газете», материалы статьи Э. Кинана из «Oxford Slavonic Papers» в книгу, очевидно уже находившуюся в производстве, войти не успели.

¹² Севастьянова А. А. Американский историк о первой русской бумажной мельнице // ВИ. 1972. № 6. С. 174—175.

¹³ Gerardy T. Besprechung // IPR-Information Hannover, 1972. N 1. S. 18—24.

¹⁴ Гуляницкий В. А. Новые факты из истории бумажного производства в России // Бумажная промышленность. 1972. № 1. С. 28—29.

¹⁵ Keenan Edward L. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1971. На суперобложке издания также было помещено фотографическое воспроизведение филигрань.

¹⁶ Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973. С. 129.

¹⁷ Клепиков С. А. О допетровской бумаге и «Бумаге для царя (Письме Ивана IV)» Э. Кинана // Книга. Исследования и материалы. Сб. М., 1974. Вып. 28. С. 157—161. Я искренне благодарна проф. Д. Симмонсу за сообщение о переписке с С. А. Клепиковым по поводу статьи Э. Кинана. К сожалению, ознакомиться с содержанием писем проф. Симмонса (они хранятся в настоящее время в Отделе рукописей РГБ) мне пока не удалось.

ленные Э. Кинаном материалы не позволяют сделать вывод о русском происхождении бумаги, к которому пришли Д. С. Лихачев и З. В. Участкина.¹⁸ Статья Клепикова фактически «закрывает тему». В 1987 г. в «*Russia Mediaevalis*» появилась работа Я. Дашкевича,¹⁹ в которой точка зрения Клепикова была подвергнута самому тщательному критическому анализу, но и она не стала поводом к возобновлению полемики вокруг вопроса о ранней истории русского бумажного производства. Вопреки предсказанию Д. С. Лихачева, факт не только не вошел в учебники, но и вообще был как-то подзабыт. Ни одного исследования, специально посвященного этому вопросу, с тех пор не появлялось.

К аргументации обеих сторон я обращусь несколько позднее, здесь же приведу лишь один из основных доводов С. А. Клепикова, доказывающих, по его мнению, невозможность русского происхождения бумаги. Этот аргумент — факт сохранения бумаги в единственном экземпляре. Клепиков пишет: «Бумажная масса не могла быть приготовлена лишь для одного листа <...> ни в одном издании XVI в. подобная бумага не была обнаружена <...> Мало того, при изучении русских архивов никто из исследователей не натолкнулся на русскую бумагу».²⁰ И вот лист такой бумаги, точнее левая половина листа, найден в Древлехранилище им. В. И. Малышева, в рукописи Пинежского собрания, № 66. Лист чистый, без текста и записей, филигрань на нем видна совершенно отчетливо, в том числе и дата, точность которой вызывала сомнения у Э. Кинана, — 7074 г. Эта находка вновь заставляет нас вернуться к вопросу о происхождении бумаги.

Прежде всего о самой рукописи. Поступила она в Древлехранилище им. В. И. Малышева в результате археографической экспедиции на Пинегу 1963 г., в которой принимали участие А. М. Панченко, А. Х. Горфункель, Е. И. Дергачева-Скоп и Е. К. Ромодановская. Рукопись была кратко атрибутирована при поступлении и учтена в путеводителе В. И. Малышева.²¹ В течение последних нескольких лет рукопись находилась на реставрации в Лаборатории консервации и реставрации документов РАН (далее — ЛКРД), откуда недавно вернулась в Древлехранилище. Нынешний переплет рукописи — одна из последних работ замечательного петербургского реставратора Бориса Германовича Хованова. Работа не окончена, блок находится в реставрационных, неповолоченных досках. Лист с интересующей нас филигранью был обнаружен при составлении описания для каталога рукописей Пинежского собрания.²²

Рукопись 10-х гг. XVI в. (на бумаге основного блока рукописи две разновидности знака «Папская тиара»), в 2-ку, написана крупным литургическим полууставом на 481 л. Рукопись «обряженная» — в ней сохранились фрагментарно 3 заставки и полностью 3 инициала. По технике и манере (темпера по твореному золоту в заставках и темпера с золотой

¹⁸ Клепиков С. А. О допетровской бумаге. С. 161

¹⁹ Дашкевич Я. Бумага для царя или государева бумага? О начале производства бумаги в Московском государстве XVI в. // *Russia Mediaevalis* 1987 N 6, pt 1 P 221—247. Я очень признательна проф. Э. Кинану, указавшему мне данную работу, а также госпоже К. Томас, любезно предоставившей мне ксерокопию этой статьи, найти которую в библиотеках С.-Петербурга не удалось.

²⁰ Клепиков С. А. О допетровской бумаге. С. 160—161

²¹ Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М., Л., 1965. С. 132

²² Описание рукописи см. Савельева Н. В. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб., 2003. С. 144—145 (Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX вв. Опыт исследования. Источники. Т. 1)

обводкой в инициалах) художественное исполнение рукописи ближе к образцам среднерусской, вероятнее всего московской, традиции. По содержанию рукопись представляет собой Евангелие-апракос полный, перевода афонской редакции нач. XIV в.²³ Лексические данные текста не выявляют никаких специфических новгородских, псковских или южнорусских черт, здесь стабильно прослеживается среднерусская языковая норма. В рукописи нет никаких записей и помет, позволяющих локализовать ее происхождение или бытование, лишь несколько поздних (XIX в.) помет уставного характера. Как попала рукопись на Пинегу, можно только предполагать, наиболее вероятным представляется миграция книги в составе какого-то старообрядческого собрания.

Лист, на котором обнаружена филигрань (л. 482), вероятно, служил нижним форзацем одного из промежуточных (средних) переплетов. Судя по сохранившимся переплетным листам и реставрации, рукопись переплеталась не менее 4 раз: в нач. XVI в., при написании; вероятно, в 3-й четв. XVI в., когда и был вплетен интересующий нас лист; в 30—40-е гг. XVII в. — об этом свидетельствуют вплетенные в блок листы реставрации с двумя типами кувшинчиков, датирующихся 30—40-ми гг. XVII в., и переплетный лист, находящийся в конце рукописи, между листом с интересующей нас филигранью и форзацным листом последнего переплета. На переплетном листе XVII в. нет филиграни, но по качеству и характеру сетки он отличается от листов основного блока и листов всех других переплетов. Местоположение его позволяет предположить, что он был использован при переплете рукописи, одновременном с реставрацией XVII в. Последний переплет был выполнен в 1-й пол. XIX в. — сохранился верхний форзац с фрагментарно просматривающимися литерами NA и сеткой, характерной для бумаги этого времени. До реставрации в ЛКРД на досках сохранялись фрагменты бархатной поволочки и фрагменты застежек: двух более ранних и одной более поздней на середине досок. Сама книга — напестольное Евангелие, постоянно использовавшееся при богослужении, вполне позволяет объяснить столь частое ветшание переплетов и необходимость их замены.

Судя по данным, приведенным в работе Э. Кинана, наш лист очень сильно обрезан, его размер 29.5 × 18.5 см. Развернутый лист, сохранившийся в Датском архиве, даже в обрезанном виде имеет размер 54 × 40.5 см., т. е. — это большой александрийский лист. Все формальные характеристики знака, приведенные Э. Кинаном для бумаги из Датского архива,²⁴ совпадают с характеристиками нашего экземпляра: высота литер — 3 см, расстояние между понтюзом — 27.5 мм.

Теперь обратимся к аргументам Э. Кинана и С. А. Клепикова. Характеризуя знак, Э. Кинан пишет: «Текст филиграни — это характерная простая московская вязь второй половины XVI века».²⁵ По мнению С. А. Клепикова, элементы текста на филиграни не характерны для московской вязи, образцом для формоплета служила болгарская вязь XIV в., в подтверждение своего тезиса он приводит в статье образцы болгарской вязи из учебника палеографии В. Н. Щепкина и делает заключение: если бы бумага была сделана в России, «для изготовления формы мастеру были бы даны образцы московской, а не болгарской вязи».²⁶

²³ Редакция установлена А. А. Алексеевым

²⁴ Keenan Edward L. Paper for the Tsar P 24

²⁵ Idid

²⁶ Клепиков С. А. О допетровской бумаге С 158—159

С. А. Клепиков самой бумаги, хранящейся в Датском архиве, не видел, а имел в своем распоряжении только рисунок, выполненный от руки и не передающий всех особенностей филиграни, и фотокопию, помещенную в статье Э. Кинана. Если обратиться к сохранившемуся в пинежской рукописи листу, видно, что буквы совершенно лишены той слитности и округлости, которые приданы им на рисунке. По сравнению с образцами сложной московской вязи, литеры филиграни проще и однообразнее. Однако необходимо иметь в виду, что мы имеем дело не с текстом, написанным пером, а с формой плетеной, техникой исполнения текста и продиктована некоторая упрощенность литер. В то же время все элементы этой вязи, в том числе и вызвавшие сомнение Клепикова, лигатуру «вле» или точнее «ле» (на пинежском экземпляре четко видно отсутствие верхнего элемента лигатуры — буквы «в») и подобные ей лигатуры, почкообразную «а», лигатуру «ан» — все это можно найти в современных бумаге образцах текста. Приведем лишь несколько примеров в разной технике исполнения текста: в рукописном тексте (Четвероевангелие XVI в., БАН, Архангельское собр., № 1209),²⁷ в печатных московских изданиях Ивана Федорова,²⁸ в шитье (очень схожи литеры и элементы вязи на покрове «Голгофа», шитом в мастерской царицы Анастасии Романовны в 1557 г.)²⁹ и, наконец, в надписях на надгробных плитах.³⁰ Текст филиграни не содержит ошибок. Отмеченная С. А. Клепиковым ошибка в слове «московский», которое он предлагает читать как «московский» не бесспорна, на фотографии, помещенной в статье Э. Кинана, это место читается нечетко. О том, что по крайней мере образец для текста филиграни писался человеком, хорошо владевшим русским языком и полууставным письмом, свидетельствуют и верно расставленные надстрочные знаки. По-видимому, все же мы имеем основания считать, что текст филиграни выполнен московским типом вязи, упрощенной при исполнении в технике плетения.³¹

Сомнение С. А. Клепикова вызвало отступление от буквального воспроизведения титула царя в тексте филиграни, он пишет: «Мы знаем, как щепетильно русские бояре относились к титулу царя. Обычный титул — „Иван Васильевич, царь и великий князь всея Руси“ <...> Трудно предположить, чтобы приказные, которые должны были следить за иностранцем (а иностранное происхождение формы несомненно), могли пропустить такое нарушение этикета».³²

При отсутствии в России времен Ивана Грозного единой государственной символики, единства государственных регалий и печатей можем

²⁷ См воспроизведение в статье Немировский Е Л Гравюра на меди в русской рукописной книге XVI—XVII вв // Рукописная и печатная книга М 1975 С 102

²⁸ См Апостол М, 1564 Л 3, Часовник М, 29 X 1565 Л 127

²⁹ См воспроизведение в кн Очерки русской культуры XVI века / Под ред А В Арциховского М, 1977 Ч 1 С 357

³⁰ См воспроизведение в кн Сергиево-Посадский музей-заповедник / Сообщения 2000 М, 2000 С 30 — надгробие инока Михайло Коломятина 1533 г, с 22 — надгробие инока Варлаама Путятина 1570 г Благодарю О А Белоброву, обратившую мое внимание на надгробия XVI в из Троице-Сергиевой лавры

³¹ Я Дашкевич в своей работе также относит вязь филиграни к московскому типу, при этом, очевидно, на основании определения В Н Щепкина (Щепкин В Н Учебник русской палеографии М, 1920 С 37—38 и табл 2), локализует ее, называя «вязью школы Ивана Грозного» (см Дашкевич Я Бумага для царя С 238) Указанные нами примеры элементов вязи из различных источников свидетельствуют, что такое определение, само по себе не бесспорное, в данной ситуации следует употреблять очень осторожно, никакии признаки принадлежности литер и лигатур какой-то особой мастерской или «школе» в вязи филиграни выделить невозможно

³² Клепиков С А О допетровской бумаге С 158

ли мы быть абсолютно уверены в нормированном употреблении царского титула? В действительности нам известно употребление сокращенного титула царя в сочетании с формой повеления («повелел», «по повелению») и употребление полного титула (а он гораздо пространнее, с прибавлением «владимирской, московской» и т. д. — с завоеваниями Грозного число их увеличивалось — «земель обладатель») в непосредственном обращении в документах, где титул (полный) помещался в начале документа. Насколько необходимо было буквальное воспроизведение титула царя на филигрании и насколько невозможным было отступление от буквального титула при создании текста филигрании? По данным А. Л. Хорошкевич, еще и в конце правления Ивана Грозного внутри страны употреблялась печать времен Ивана III, на которой в титуле отсутствовало слово «царь».³³ И это при той борьбе за признание царского титула, которая велась Иваном Грозным на протяжении почти всего его правления. Если бы филигрань была сделана не в России, скорее следовало бы ожидать отсутствия на ней именно слова «царь». Кроме того, в тексте филигрании, в том виде, в каком она дошла до нас на документе из Датского архива, отразились обе составляющие монархической позиции Ивана Грозного — царственность («царь всеа Руси») и верховность наследного монарха единственного истинного православного государства — часть титула «князь великий московский» заключена в киотец, увенчанный крестом, — символическое ознаменование святости и православия. Во всяком случае, неоспоримым свидетельством признания этой формы именованья царя в тексте филигрании (без буквального воспроизведения краткого титула) является сам факт использования Иваном Грозным бумаги для послания датскому королю Фредерику II.³⁴

Наиболее слабо аргументированным, на мой взгляд, является предположение Э. Кинана о мастере, изготовившем форму для бумаги. На основании данных Янеля³⁵ и Ейнедера³⁶ (как справедливо отмечает С. А. Клепиков, противоречивых), Э. Кинан полагает, что мастером, изготовившим форму для бумаги, мог быть Мартин Зауер (Martin Zauer), немец по происхождению, известный как содержатель бумажной мельницы в Богемии. Гипотеза Э. Кинана строится на том, что имя Мартина Зауера упоминается в документах Богемии в 1575—1576 гг. (по данным Ейнедера — в 1569 г.), до этого о нем ничего не известно. Соединяя эти данные с данными по миссии Ганса Шлитта о том, что кто-то из завербованных мастеров добрался все же до России, Э. Кинан предполагает, что таким человеком мог быть и бумажный мастер Мартин Зауер. Подтверждением тому, по мнению исследователя, служит слово «совер» в тексте филигрании, которое он рассматривает как кириллическую транскрипцию имени «Зауер».

С. А. Клепиков, указывая на противоречие в данных Янеля и Ейнедера, справедливо отмечает, что Мартин Зауер не упоминается нигде как мастер, а лишь в 1569 г. (у Ейнедера) и в 1575—1576 гг. (у Янеля) как

³³ Такой печатью скреплен, например, приговор духовенства от 15 января 1580 г с за-
прещением отбирать и выкупать монастырские вотчины, см Герб и флаг России X—XX
веков / Ред Г В Вилинбахов М, 1997 С 172

³⁴ См сходную аргументацию по вопросу о титуле в статье Я Дашкевича (Дашке-
вич Я Бумага для царя С 238—239)

³⁵ Jahnel C Die Papiermühle zu Aussig im 16 Jahrhundert Prague, 1885 P 295 (Mitte-
lungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen XXIII)

³⁶ Eineder G The Ancient Paper-mills of the Former Austro-Hungarian Empire and Their
Watermarks Hilversum, 1960 P 113 (Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia
Vol 8)

содержатель мельницы Ганса Шаффхирта (Schaffhirt) в Усти (Ауссиге). Мастером же на этой фабрике по данным документов был Михаэль Трайдинг (Michael Traiding).

В своей гипотезе Э. Кинан идет прежде всего от имени «Зауер», предлагая вариант устной транскрипции через аналогии в диалектах украинского и белорусского языков: оглушение начальной буквы «З», превращения дифтонга «ау» в сочетании с «ер» — в «оуер» и, наконец, графического изображения «у» как «в» — таким образом, по его представлению, получается графическая фиксация устной транскрипции — «Совер». ³⁷ Мне кажется, что путь, предложенный Э. Кинаном, слишком сложен. Если мастером был иностранец, так точно выполнивший текст филиграни, мог ли он так сложно и так далеко от среднерусской языковой нормы изобразить свое имя? Даже в том случае, если образец текста для плетения формы иностранным мастером был выполнен русским человеком, вряд ли бы он оставил столь сложное воспроизведение имени иностранца. А. А. Алексеев обратил мое внимание на то, что имя «Zaueg» могло звучать как «Sover» в одном из немецких диалектов. Но даже в этом случае фиксация на филиграни имени мастера вызывает сомнения. Традиция маркирования водяных знаков именем мастера или владельца фабрики, нормальная и даже нормированная для западных производителей, в России появляется гораздо позднее. Обязательная пометка всех товаров была введена лишь Новоторговым уставом 1667 г. В дошедших до нас подписных произведениях живописи, прикладного искусства и выходных данных первопечатных изданий никогда имя мастера не ставилось в одном ряду с именем государя, без какой-либо формы подчиненности («повелением», «по повелению») или хотя бы без обозначения власти государя (форма «при державе»). Вряд ли мастеру было бы позволено поставить на бумаге свое имя рядом с именем и титулом царя.

Наиболее вероятным мне представляется видеть в слове «совер» незаконченную традиционную формулу (колофон) «Лета 7074 соверши» («совершился», «совершена бысть» или какие-то близкие варианты этой формулы). Э. Кинан рассматривает такую возможность, однако отвергает ее по двум причинам: 1) в русском языке того времени не существовало традиции аббревиатур или сокращений³⁸ и 2) в этом контексте, по его мнению, должна была бы быть более архаичная форма «съверши» или скорее даже «сътвори». ³⁹ Второй аргумент Э. Кинана вряд ли можно считать верным: в языковой норме этого времени сосуществовали обе формы этих слов. Пример тому — выходные данные московских изданий Ивана Федорова — Апостола 1564 г. и двух изданий Часовника 1565 г., в которых оба эти слова употреблены в форме «совершена». Причем заметим, что в заблудовских и острожских изданиях Ивана Федорова — формы с ь «съвершена».

Более сложный вопрос с сокращенным (а на мой взгляд, с незаконченным) словом «совер». Если обратиться к композиции филиграни, то можно увидеть явное несоответствие ее верхней и нижней частей. Две верхние строки абсолютно симметричны относительно воображаемого центра, т. е. левой и правой половин листа. Композиция нарушается в нижней части, где киот с текстом «князь великий московский» располагается на уровне двух нижних строк с некоторым смещением влево.

³⁷ Keenan Edward L Paper for the Tsar P 28

³⁸ Я Дашкевич без всякого сомнения пишет, что слово «совер» — это просто часть колофона, не объясняя, однако, почему оно употреблено в таком сокращенном виде (см Дашкевич Я Бумага для царя С 240)

³⁹ Keenan Edward L Paper for the Tsar P 28

Можно предположить, что первоначальный замысел текста филиграни был проще и традиционнее и читался следующим образом:

Царь Иван всеа лѣта 7074 совер	Васьевич Руси года (году, мира бытия) шися (шись, шена бысть)
---	--

Именно недостаток родословного компонента в наименовании царя (великий князь) заставил изменить этот простой текст и привел к такой достаточно неуклюжей композиции и форме филиграни. На каком этапе была выполнена эта замена и существовали ли образцы бумаги с текстом первоначального замысла, сказать на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов невозможно. Лист в пинежской рукописи здесь также не дает объяснения, так как, судя по расположению понтюзо, он обрезан не только слева, но и справа. Высказанное мной предположение абсолютно гипотетическое, хотя оно кажется мне не менее правдоподобным, чем видеть в слове «Совер» имя немца Зауера.

Работа Я. Дашкевича поднимает еще одну проблему — проблему датировки филиграни. Как уже ранее отмечалось, последняя литера в дате на экземпляре Датского архива видна нечетко. Э. Кинан предполагал равную возможность прочтения — 7074 (1565/66) г. и 7079 (1570 г., учитывая, что письмо, написанное на этой бумаге, датировано 26 сентября 1570 г.). С. А. Клепиков, который имел в своем распоряжении рисунок в «Литературной газете» и фотокопию, помещенную в статье Э. Кинана, исходя из тезиса об иностранном происхождении бумаги, отдавал предпочтение дате 7074 г. В работе Я. Дашкевича помещен рисунок филиграни, сделанный на основе прориси, выполненной сотрудниками Датского архива «в соответствии со всеми правилами филигранологии».⁴⁰ К сожалению, автор не указывает, что это за правила, изготовлена ли прорись вручную или с использованием каких-либо технических средств. Однако Я. Дашкевич настаивает на том, что на экземпляре бумаги из Датского архива видна «несколько деформированная дата 7079 г.» и таким образом «лист был изготовлен между 1 и 28⁴¹ сентября 1570 г. (с завершением полного технологического процесса)».⁴² Пинежский экземпляр дает четкое однозначное прочтение — 7074 г. Что же мы имеем, два экземпляра одной филиграни или две филиграни, выполненные с разницей в 5 лет? Ответ на этот вопрос может быть дан только после получения точного воспроизведения филиграни из Датского архива. Все же изучение фотокопии, опубликованной Эдвардом Кинаном, и сравнение ее с пинежским экземпляром позволило нам усомниться в прочтении последней цифры как **Ѡ** (9) на экземпляре Датского архива. Кажется, оба экземпляра бумаги (напомню, что в пинежской рукописи сохранилась только левая половина листа) идентичны. В то же время при сравнении «на глаз» нашего экземпляра с фотокопией можно увидеть небольшие отличия, которые свидетельствуют о том, что форма могла подправляться или во всяком случае использовалась не один раз (титло над словом **црь**, верхняя петля в литере **З** (7), титло над датой и, наконец, верхний элемент **Ѡ** в лигатуре «**лѣѠто**» («**лѣѠта**»)). Однако все эти разночтения можно принимать с оговоркой — мы не имеем точного воспроизведения экземпляра Датского архива. В любом случае, обнаружение пинежского экземпляра противоречит

⁴⁰ Дашкевич Я. Бумага для царя С 237

⁴¹ Очевидно, в тексте опечатка, следует читать — 26 сентября

⁴² Дашкевич Я. Бумага для царя С 240

выводу С. А. Клепикова о том, что бумага сохранилась в единственном экземпляре и что лист из Датского архива всего лишь образец, изготовленный на какой-либо иностранной фабрике и посланный Ивану Грозному.

И наконец, С. А. Клепиков, не видевший самого листа бумаги Датского архива, характеризует ее как бумагу «приличного качества» на основании того, что сетка и литеры видны довольно отчетливо; по словам Э. Кинана, бумага «среднего качества».⁴³ Пинежский экземпляр действительно подтверждает, что филигрань видна отчетливо (на чистом листе она просматривается даже на поверхности листа, не на просвет). Однако качество бумажной массы далеко не безупречно, бумага грубая, неоднородная по составу.

С. А. Клепиков не уделяет внимания в своей статье важному положению, на которое обращает внимание Э. Кинан, — на совершенное несоответствие водяного знака на письме Ивана Грозного традициям всех иностранных знаков. И дело не только в том, что филигрань выполнена вязью и дата проставлена в исчислении от сотворения мира, не употреблявшемся в западных странах, но и в том, что это текстовая филигрань, аналогов которой мы не встречаем в иностранной бумаге не только XVI в., но и в более позднее время.

Таковы основные моменты, отражающие две разные точки зрения на происхождение «бумаги для царя Ивана Грозного». Пинежский экземпляр не дает окончательного ответа на вопрос о происхождении этой бумаги, но заставляет вновь вернуться к этому вопросу. Не претендуя на окончательность выводов, я могу только признать, что все вышеизложенное убеждает меня в большей достоверности предположения Э. Кинана — бумага изготовлена в России. Где именно, сказать невозможно. Бумажная мельница Федора Савинова — это единственное предприятие, о котором мы имеем историческое свидетельство. Добавить к этому можно лишь небольшую деталь — река Уча и все названные в документе из Троице-Сергиева монастыря населенные пункты находятся в 30 км от Москвы в том же направлении, в котором ведет путь (нынешнее Ярославское шоссе) в Александрову слободу, где, как известно, уже в это время фактически находилась резиденция Ивана Грозного. Возможно, попытка наладить производство бумаги патронировалась самим Иваном Грозным. Но удалось ли этой бумаге получить статус «государевой бумаги», «атрибута власти», как называет ее Я. Дашкевич, — это еще вопрос. Не слишком ли низким осталось ее качество на фоне привозного привычного для русских писцов материала? Не случайно, что в документальных источниках до сих пор обнаружен только один такой лист, не случайно и употребление пинежского листа в качестве «черного», переплетного.

Нет ответа также на вопрос, кто был мастером, изготовившим бумагу, был ли это русский мастер или иностранный. Предположение Э. Кинана о Мартине Зауре кажется нам неубедительным, предположение, высказанное, впрочем, в довольно утвердительной форме В. А. Гуляницким, о том, что этим мастером был Петр Мстиславец, не подтверждается никакими конкретными фактами.⁴⁴

Находка нового экземпляра этой бумаги несомненно свидетельствует о том, что вопрос о первых попытках бумажного производства на Руси не закрыт и исследование этого вопроса должно быть продолжено.

⁴³ Keenan Edward L Paper for the Tsar P 24

⁴⁴ См Гуляницкий В А Новые факты С 29

Воспроизведение филигрны выполнено в технике бета-радиографии
заведующим Лабораторией консервации и реставрации документов РАН Д. П. Эрстовым